

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

ЛОМОНОСОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

VIII

Ответственный редактор — Э. П. Карпев

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

Ленинградское отделение

1983

Т. Н. КЛАДО

ПОСИФ АДАМ БРАУН И ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВО С М. В. ЛОМОНОСОВЫМ

Среди ученых, работавших в Петербургской Академии наук вместе с Ломоносовым, одним из самых талантливых и деятельных был профессор по кафедре философии и физики¹ Иосиф Адам Браун. Однако, хотя он посвятил Академии 20 лет своей жизни, о нем известно сравнительно мало, и полной биографии его не существует. Даже даты о года и место рождения Брауна в известию море противоречивы. В биографической литературе и справочниках приводят как место его рождения то город Аш, расположенный у границы Богемии и Саксонии (ныне в Чехословакии), то город с таким же называнием на юге Болгарии. Но так как сам Браун указывает в «документах» от 14 января 1748 г., поданном им в Канцелярию Академии наук сразу по прибытии в Петербург, что «выписан из Саксонии»,² мы имеем основания считать, что родиной его был саксонский Аш. Годом рождения обычно указывается 1712 и даже 1702 г., но и эти даты нуждаются в пересмотре.

21 февраля 1754 г. по требованию Канцелярии Браун представил краткое сведение о себе, где среди прочего сказано: «Я еще не женат, а от роду мно либо 38 либо 39 год идет».³ Если верить приведенному здесь утверждению (другими документальными данными мы не располагаем), то приходится считать годом рождения Брауна 1716 или 1717 г. В Петербург Браун прибыл из Лейпцига, где был профессором, после временного пребывания в Берлине.

В ЛО АН СССР хранится (р. IV, оп. 1, ед. хр. 341) побольшая тетрадь, содержащая биографии четырех членов Петербургской Академии: И. И. Тауберта, И. Э. Фишера, И. Г. Лемана и Брауна, на которую мно любознко указала Е. С. Кулябко. В биографии Брауна говорится, что он был сыном пастора, учился первоначально на родине в Аше, затем в Веймаре и в Лейпциге, откуда переехал в Берлин, а затем был принят в Петербургскую Академию. Здесь, кстати, сказано, что Браун женился на вдово проф. Рихмана 19-го сентября 1756 г.

Браун был рекомендован в Петербургскую Академию Леонардом Эйлером. Покинув в 1741 г. Петербург, Эйлер, как известно, продолжал заботиться о пополнении Академии научными силами высокой квалификации. Он писал возглавлявшему академическую Канцелярию И. Д. Шумахеру 14 (25) апреля 1744 г.: «Для философии, морали и логики имеется здесь экстраординарный профессор из Лейпцига по имени Браун, способный и скромный (arelliger) человек,

¹ По регламенту 1747 г., в Университете была кафедра «логики, метафизики и нравоучительных наук», но при заключении контрактов с профессорами устанавливалась структура строго не соблюдалась, а учитывались реальная специальность и интересы привлекаемого ученого.

² Материалы, т. IX, с. 15.

³ ЛО АН, ф. 3, оп. 4, № 2332, л. 70; Пекарский, 1, с. 714—715; см. также: ЛО АН, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 111.

приехавший сюда, чтобы направиться в Петербург. Пока он дает адъюнкту Теплову уроки по философии».⁴ Г. Н. Теплов и будущий президент Петербургской Академии К. Г. Разумовский жили с сентября 1743 г. до июля 1744 г. в доме Эйлера, который занимался с ними математикой.

Дела с приглашением новых членов в Академию в те годы затянулись. Через два с половиной года, 29 октября 1746 г., Эйлер пишет Теплову:⁵ «Вы знаете также заслуги г. Брауна, который очень хотел бы найти иаконец прочное положение для себя. Кроме его познаний в философии и физике, Вам должен быть хорошо известен его моральный характер, так что не приходится опасаться каких-либо недоразумений с его стороны. Он все время продвигается вперед и, я думаю, мог бы с честью занять место в Академии. Вы знаете так же хорошо, как я, что он мог бы быть полезным в проектируемом университете». Эйлер повторил свой похвальный отзыв о Брауне в письме Шумахеру от февраля 17 (28) 1747 г., где идет речь уже не о философии, а об астрономии: «Если бы желательно было заместить вакансии вторых астрономов, то я мог бы рекомендовать для этого нескольких способных лиц, которые хотя сейчас и не являются практическими астрономами, но бесспорно за короткое время могли бы стать таковыми. Здесь уже давно находится способный человек такого рода по имени г. проф. Браун, которого г. асессор Теплов хорошо знает по которому я, поскольку он прилежно посещает здешнюю обсерваторию, могу сказать с полной уверенностью, что в его лице Академия сделала бы хорошее приобретение».⁶ 17 (18) октября 1747 г. Шумахер сообщает Эйлеру, что Браун приглашен в Петербургскую Академию, ему переводятся 200 руб. на дорожные расходы.⁷ Самое приглашение и деньги были посланы через Эйлера.⁸

Эйлер вообще принимал близко к сердцу судьбу Брауна и заботился об устройстве его в Петербурге. В письме Шумахеру от декабря 1747 г. Эйлер сообщает, что Браун в ближайшие дни выезжает из Берлина, надеясь уже в Мемеле встретить саниный путь. «Поскольку впервые приехавшему в Петербург не легко там устроиться, если о нем заранее не позаботится добрый друг, я не мог рекомендовать г. Брауну никого более подходящего, чем г. проф. Винсгейм. Я поэтому взял на себя смелость адресовать ему прилагаемое письмо в надежде, что Вы не отнесетесь неодобрительно к этому моему вмешательству в пользу г. Брауна».⁹

С Брауном Эйлер послал в Петербург письмо своему старому другу, бывшему конференц-секретарю Академии Хр. Гольдбаху, датированное 14 декабря 1747, в котором писал: «Г-н проф. Браун в качестве вновь принятого члена импер. Академии наук будет иметь честь любезно передать Вам эти строки. Мне случилось знать его здесь много лет, и, поскольку его сиятельство граф Разумовский поручил мне пригласить его в качестве проф. логики и морали во вновь учреждаемый университет, я полагал, что не могу оказать ему более существенной услуги, чем покорнейше рекомендовать его также и Вам. Надеюсь, что его добрый нрав и основательность в научных занятиях полностью оправдают взятую мною на себя смелость в отношении к Вам, и Вы будете столь добры оказать ему ту благосклонность, какой Вы сочтете его достойным».¹⁰

В письме Теплову от 9 (20) января 1748 г. Эйлер делает приписку (по-русски): «Г. профессор Браун без сомнения уже в С. Петербурге прибыл, попече

⁴ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Euler's (далее: Briefwechsel). Berlin, 1961, Т. II, S. 65.

⁵ Ibid., p. 94. Имя адресата стоит здесь под вопросом, а в примечании указано, что на основании содержания письма адресатом следует считать Теплова.

⁶ Там же, с. 97.

⁷ Там же, с. 105.

⁸ Материалы, т. VIII, с. 572—573.

⁹ Briefwechsel, т. II, S. 109. Приложенное письмо Эйлера к Винсгейму не сохранилось.

¹⁰ Leonard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel 1729—1764/Hrsg. von A. P. Juškevič und E. Winter/Zum Druck vorbereitet von P. Hoffmann, T. N. Klado, Ju. Ch. Kopelevič. Berlin, 1965, S. 284.

уже 3-го января нового стиля от Кенигсберга отъехал».¹¹ Браун прибыл в Петербург, где с ним был заключен контракт на 4 года.¹²

Согласно этому контракту, Брауну поручалась в основном педагогическая работа в Академии. Паряду с этим он числился полноправным членом Петербургской Академии и посещал ее заседания уже со дня подписания контракта, как это можно видеть из Протоколов Конференции.

На запрос Канцелярии о том, какие занятия Браун предполагает вести со студентами, он сообщает 31 марта 1748 г., что читать «будет публично введение во всю философию таким образом, чтобы первые основания всех философских наук в преизрядном порядке слушатели познали, и во основание употребить Наставления философские, в пользу академическую Тиммигом сочиненные,¹³ и приватно толковать будет математический курс и философию натуральную или физику с правами натуральными и народными».¹⁴ Исходя из этого было объявлено, что «Иосиф Адам Броун, теоретической и практической философию профессор... предлагать будет Руководство во всю философию, употребляя за основание сокращенную Тиммигом Волфянскую философию, которая для оного намерения лучше других служит; однако ж чтоб притом сию систему пополнять и исправлять, где заблагорассудится». Лекции должны были происходить 5 раз в неделю, кроме среды и воскресенья, «от 9 до 10 часов перед полуднем».¹⁵

Кроме этой постоянной работы, Браун вместе с А. Д. Красильниковым и Н. И. Поповым принял активное участие в восстановлении астрономической обсерватории Академии наук, почти полностью сгоревшей при пожаре в Академии 5 (16) декабря 1747 г., и снабжении ее инструментами. Уже в начале следующего 1748 г. астрономические наблюдения были возобновлены. Из отчетов, поданных Брауном в Канцелярию Академии наук в установленные сроки (по третям года), можно видеть, что он систематически производил астрономические наблюдения, отчасти также магнитные. Вместе с другими профессорами — Фишером, Штрубе, Висгеймом — он экзаменовал кадетов шляхетского корпуса. В начале 1748 г. Браун имел еще одно поручение — чтение корректур труда Л. Эйлера «Scientia navalis» («Морская наука»). Этот труд был в основном написан Эйлером в Петербурге (хотя и подготовлен к печати в Берлине) и издавался Петербургской академией, причем Эйлер просил поручить чтение корректур Рихману или Брауну.¹⁶ Канцелярия распорядилась «корректуру оной книги исправлять профессорам: 1-й том Рихману, 2-й Брауну, с осмотрительством и прилежанием, о чем им приказать в Канцелярии словесно».¹⁷ Браун упоминает об этом в отчете, представленном в Канцелярию 1 мая 1749 г., о своей работе за первую треть года:

«1) Чтоб далее поступать в философию, я прочитал оной и к окончанию привел в объявленные 4 месяца 3 части, а именно: космологию генеральную, психологию эмпирическую и психологию рациональную. 2) На астрономической обсерватории делал токмо обыкновенные обсервации. 3) А которые обсервации делать я обещался, то есть до определения склонения магнитной иглы, до рефракции и движения спутников Юпитеровых касающихся, оные токмо начать допустило время, а продолжать оные не премину, сколько возможно будет. 4) Трудился в исправлении печатающейся Корабельной науки господина Ейлера».¹⁸

Эйлер не терял связи с Брауном и после его отъезда в Петербург. В Архиве АН СССР сохранились 4 письма Брауна к Эйлеру. Первое письмо, от

¹¹ Briefwechsel, T. II, S. 115.

¹² Текст контракта см.: Материалы, т. IX, с. 34—35.

¹³ Имеется в виду Людвиг Филипп Тиммиг (Тюммиг) и его «Institutiones philosophiae Wolfianae» (1725).

¹⁴ Материалы, т. IX, с. 144—145.

¹⁵ Там же, с. 630.

¹⁶ Briefwechsel, T. II, S. 8.

¹⁷ Материалы, т. 9, с. 298—299.

¹⁸ Там же, с. 741—742.

9-го октября 1746 г.,¹⁹ относится еще к тому времени, когда оба находились в Берлине; Браун просит Эйлера содействовать его избранию в члены Берлинской Академии, указывая на то, что в Академии его хорошо знают. Действительно, Браун в 1746 и 1747 гг. регулярно посещал заседания Берлинской Академии,²⁰ но избрание его тогда не осуществилось. Заметим, забегая вперед, что в 1761 г., когда Браун уже много лет был петербургским академиком, в Берлинской Академии была выдвинута его кандидатура в иностранные члены. Избрание состоялось 2 апреля 1761 г., однако не получило необходимого утверждения Фридриха II.

Второе письмо Брауна Эйлеру, от 17 (28) сентября 1748 г., касается ряда научных вопросов, интересовавших Брауна. Мы приводим его с некоторыми сокращениями:

«Что наблюдения последних затмений²¹ так хорошо сходятся с Вашими вычислениями и таблицами, очень меня радует. Нет сомнения, что и следующие наблюдения затмений, произведенные мною совместно с одним адъюнктом,²² будут точнее совпадать с Вашими таблицами, чем с другими. Если бы Вы пожелали прислать мне сочинение, в котором Вы докажили Академии о прежних затмениях,²³ то я был бы Вам очень признателен. Его можно было бы послать почтой в оригинале или в копии; в первом случае я с благодарностью верну бы его обратно в полной сохранности, во втором же охотно оплатил бы стоимость копировки. Если бы я мог получить также *Connoissance des Tems* на 1749 г., то г. Грегори немедленно уплатил бы за них. Ибо у меня здесь имеется соглашение с г. Потгенполем,²⁴ что г. Грегори будет оплачивать в Берлине все, что я буду оттуда выписывать. Вычисление спутников Юпитера, по-видимому, нуждается в поправке. Разность между данными наблюдений для вхождения в тень и выхода из тени с таблицами доходит до 4—5 минут по моим собственным наблюдениям, произведенным с тех пор, как я объявлен членом Астрономического и географического класса его превосходительством г. президентом. Все наблюдения г. Делиля, которые напечатаны в *Commentaris*, также отличаются от наблюдений Манфреди²⁵ от других таблиц, и приходится удивляться, что г. Делиль никогда не указывал на это.

Печатание Вашей „*Scientia navalis*“ идет хорошо, я уже исправил лист V.²⁶ Если у Неольма можно получить Астрономию Лемонные,²⁷ то прошу послать ее мне почтой и потребовать оплату у г. Грегори. Не нужно адресовать ее в Академию — я получу ее прямо от почт-директора; этой любезностью я, вероятно, обязан Вашему посредничеству.

Имеете ли Вы еще какие-либо сведения об опытах Бюффона с плоскими зажигательными зеркалами, кроме сообщения Мопертюи в Академии? Напечатано ли что-либо о них²⁸ и не повторил ли еще кто-либо этот опыт? Здесь хотят

¹⁹ ЛО ААН, ф. 136, оп. 2, № 5, л. 62—62 об.; см. в кратком изложении: *Briefwechsel*, 1976, Т. III, S. 32).

²⁰ Die Registres der Berliner Akademie der Wissenschaften. 1746—1766. Berlin, 1957.

²¹ Имеются в виду два затмения 1748 г.: солнечное 14 июля и лунное — 29 июля; результаты наблюдений этих затмений напечатаны: 1) J. A. Braunio et socio Popovio *Observatio eclipsis Solis Anni 1748 die 14 (25) Mensis Julii in specula astronomica Imperatoria reparata, quae Petroburgi... — Novi Commentarii*, 1750, т. 1, п. 495—496; 2) J. A. Braunio *Eclipsis Lunae Anni 1748 die 29 Mensis Julii st. v. ex observatorio Imperatorio reparato observata*. — Ibid., p. 497—500.

²² Н. И. Поповы.

²³ Речь идет о статье Эйлера «Sur l'accord des deux derniers eclipses du Soleil et de la Lune avec mes tables» (*Mem. Acad. Roy. Sci. et belles-lettres*, 1750, т. 4, п. 86—98).

²⁴ Купец в Петербурге.

²⁵ M a p f r e d E. *Novissimae ephemerides motuum Coelestium...* Bononiae, 1725.

²⁶ Briefwechsel, T. II, S. 132, Anн. Здесь, в примеч. 3, указано, что корректуру *«Scientia navalis»* читал Рихман. Между тем из письма Брауна и из приведенного выше отчета о его научных занятиях следует, что и Браун участвовал в чтении корректур. Согласно записи в журнале Канцелярии, Рихману и Брауну выдано по 2 экземпляра книги за чтение ими корректуры (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 518, л. 349).

²⁷ L e t o p i e g R.-Ch. *Institutions astrophysiques*. Paris, 1747, p. 103—120.

²⁸ В «Мемуарах» Парижской академии 1747 г. (1752), с. 103 и сл., напечатана статья Бюффона «Sur les miroirs ardens qui brûlent à une grande distance».

заказать солнечный микрометр, по я уже не могу припомнить конструкцию того микрометра, который видел у его превосходительства графа Кайзерлинга. Не могли ли бы Вы прислать мне чертеж и объяснение его, это было бы приятно г. президенту...

Если бы Ваше высокоблагородие одобрили какие-либо астрономические наблюдения, которые могли бы быть здесь удачно произведены, учитывая здесьший климат, сообщите пожалуйства Ваши соображения. Мы скоро получим большое число точных инструментов из Англии.²⁹

Помимо исследований и работ, упомянутых в этом письме, Браун, согласно квартальным отчетам, регулярно читал лекции, экзаменовал студентов вместе с другими профессорами — Ломоносовым, Винсгеймом, Леруа; участвовал в отборе студентов из Александро-Невской и Новгородской семинарий, из Славяно-греко-латинской академии в Москве для направления их в Петербургскую академию или университет, а недостаточно подготовленных — в гимназию. Кроме того, он систематически вел метеорологические наблюдения, составляя метеорологические сводки, которые печатались в «Novi Comptentarii», в «Ежемесячных сочинениях» и в календарях, издаваемых Академией.³⁰

Браун состоял также членом исторического собрания, учрежденного в Академии особым указом 24 марта 1748 г. для рассмотрения исторических, литературных и вообще гуманитарных сочинений. В указе о собрании записано: «В сие собрание приходить и голос свой иметь нижеследующим персонам, а именно Миллеру, Лероа, Штрубе, Штейну, ассессору Тауберту, Тредиаковскому, Ломоносову, Крузиусу, Фишеру, Броуну».³¹

В Историческом собрании в июне 1748 г. рассматривалось, например, сочинение Миллера о завоевании Сибири, где встретились слова: «Ермак грабежу или разбою, чинимому от людей своих в Сибири, не почитал за прегрешение». Браун, а также Штейн, Штрубе и Ломоносов заметили, что «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать».³² Осенью 1748 г. в Историческом собрании рассматривался регламент университета и гимназии, составленный Миллером, и Браун также принимал участие в его обсуждении. Историческое собрание экзаменовало также иностранцев, которые желали поступить в русские семьи в качестве домашних учителей.

Вероятно, Браун, занимаясь астрономией и метеорологией, что не входило в его прямые обязанности, хотел как-то оформить это положение. 7 июня 1748 г. последовало решение Канцелярии: «Понеже профессор Браун в Канцелярии словесно объявил, что он в астрономии всегда упражнялся и сверх обыкновенной своей должности готов должность академика в Астрономическом классе на себя принять, того ради запретно разрешено, чтобы он на обсерватории и в Географическом департаменте дела отправлял, а притом бы в собрании академиков место и голос имел».³³

Добросовестность Брауна как профессора отмечал Ломоносов в марте 1748 г., когда в академическом Университете был период полного застоя. Ломоносов

²⁹ ЛО ААН, ф. 136, оп. 2, № 5, л. 58—59 об. (в кратком изложении: Briefwechsel, Т. III, §. 32—33). Выдержки из этого письма, относящиеся к работам Брауна по астрономии, впервые напечатаны в статье В. Л. Чепакала «Малые обсерватории Петербургской Академии наук» (в кн.: Историко-астрономические исследования. М., 1957, т. III, с. 367—369). В этой статье приведены также более подробные сведения об астрономических и метеорологических наблюдениях Брауна, в частности имеется указание на то, что он наблюдал в 1758 г. солнечные пятна.

³⁰ Перечень работ И. А. Брауна см.: Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках имп. Академии наук. СПб., 1875, ч. III, № 482—486, с. 375; см. также: Tableau Général Méthodique et Alphabetique, des Matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale. Pt. 1. SPb., 1872, № 1130—1132, p. 67; № 1800—1813, p. 117; № 5862—5863, p. 313.

³¹ Материалы, т. IX, с. 125—126.

³² Пекарский, I, с. 382.

³³ Материалы, т. IX, с. 257.

отмечал, что «течение университетского учения вовсе пресеклось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на неприятие за то от Шумахера и на недоброхотные выговоры и советы».³⁴ Иллюстрацией его исполнительности может служить, например, такой факт. 25 февраля 1759 г. по предложению Ломоносова каждому из профессоров было поручено составить краткое изложение основных понятий своего предмета, «в дефинициях и главных разделениях состоящее».³⁵ Но до конца апреля 1762 г. ни один профессор не рапортовал об исполнении. «Мне, — пишет Ломоносов, — удалось встретить только введение в философию Брауна, под заглавием „*Idea philosophiae generalis*“».³⁶

Поэтому вызывает удивление распоряжение Канцелярии, последовавшее 18 июня 1750 г.: «Понеже как из поданного недавно в Канцелярию профессором Миллером репорта, так и из других обстоятельств довольно усмотрено, что профессору Брауну хождение в академическое собрание и положенные на него астрономические дела делают препятствие в учении, того ради в Канцелярии Академии наук определено: его, профессора Брауна, от того уволить и папротив того ему, Брауну, упражняться токмо в его профессии по заключенному с ним контракту».³⁷

Здесь, возможно, некоторую роль сыграл Миллер. Шумахер писал Эйлеру 12 (23) мая 1750 г.: «Миллер вредил другим, а теперь вредит профессору Брауну. В конце концов он сам получит возмездие за свои проступки».³⁸

Следует отметить, что еще в начале 1748 г., вскоре после прибытия Брауна в Петербург, дала себя знать нездоровая атмосфера, царившая тогда в Академии. Были, видимо, сделаны попытки поссорить Брауна с покровительствовавшим ему Эйлером. Последний пишет Шумахеру 27 февраля 1748 г. ст. ст.: «Хотя я считал г. Брауна за своего друга, но имею некоторые основания предполагать, что такие инсценировки против меня происходят от него, поскольку он, может быть, хочет таким путем зарекомендовать себя». В своем ответе 19 (30) марта Шумахер заверяет Эйлера, что здесь какое-то недоразумение; Браун говорит о нем с полным почтением, да никто легко и не поверит обвинениям против Эйлера.³⁹

В письме Эйлеру 2 (13) июля 1751 г. Браун ничего не пишет об изменившемся круге своих занятий в Академии.⁴⁰ Он сообщает, что здоров и чувствует себя хорошо, пишет о встрече с шурином Эйлера капитаном Кайзером и его дочерью, которая виртуозно играет на скрипке; просит прислать ему описание прибора для измерения силы ветра, которое помещено в сочинении Бугера «*Schiffkunst*» («Морское искусство»).⁴¹

Будучи лишен возможности вести астрономические наблюдения в академической обсерватории, Браун перенес их на свою квартиру, где устроил небольшую астрономическую площадку с основными приборами.⁴² Позднее, переехав на 6-ю линию в дом Панкратова, он продолжал и астрономические, и метеорологические наблюдения, а еще позднее, поселившись в так называемом Бопровом доме, он вел уже только метеорологические наблюдения, астрономические же прекратились. В 1761 г. Браун наблюдал на своей обсерватории прохождение Венеры по диску солнца; эти наблюдения малоизвестны, потому что были

³⁴ ПСС, т. 10, с. 283.

³⁵ ПСС, т. 9, с. 536.

³⁶ Билярский, с. 381.

³⁷ Материалы, т. X, с. 439; Протоколы, т. II, с. 234.

³⁸ Briefwechsel, Т. II, S. 208.

³⁹ Там же, с. 119—120, 122. Эйлер предположил, что Академия сочла слишком высокой цену, уплаченную им на аукционе за книги, купленные по поручению Академии. Остается неясным, на каком основании Эйлер подозревал в подобных разговорах Брауна.

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 136, оп. 2, № 5, л. 60—61 (краткий пересказ см.: Briefwechsel, Т. III, S. 34).

⁴¹ Очевидно, речь идет о книге Бугера «*Traité du navire*» (Paris, 1746).

⁴² Как указывает В. Л. Чепакал в своей статье (указ. соч., с. 372), Браун жил в то время на 1-й линии Васильевского острова, в доме статского советника Лодыженского.

попечатаны, как указывает В. Й. Чопакпл, только в «Венских эфемеридах» Хелля.⁴³

«Отлучение» Брауна от академических дел продолжалось, однако, недолго и как-то само собой отпало. В протоколах Академии вновь появляется имя Брауна как присутствующего в заседаниях Конференции; он выступает в публичных собраниях и участвует в предварительном обсуждении речей других академиков. В ноябре 1753 г. Браун подает письменно «сумнительство»⁴⁴ относительно речи Ломоносова «О явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», произнесенной им 26 ноября 1753 г.; в сентябре 1755 г. Браун отвечает от имени Академии на речь акад. Гришова «О величине и расстояниях небесных тел»;⁴⁵ в 1756 г. он выступил с чтением сочинения «О примечательных измениениях земли»; в том же году он предложил в Академии задачу на конкурс о теории магнетизма; ряд его статей печатался в «Novi Commentarii» Академии. Следует подробнее отметить работу Брауна в области метеорологии. Не довольствуясь одними наблюдениями над основными метеорологическими элементами, он измерял высоту снежного покрова, толщину льда на Неве, глубину промерзания почвы; подробные таблицы наблюдений и выводов из них систематически печатались в «Novi Commentarii». Сведения, которые сообщал Браун, служили не только для научных, но и для различных практических целей. Сохранилось письмо к Брауну Я. Я. Штейнина, где он просит сообщить ему данные о наиболее сухих и наиболее дождливых годах в Петербурге, о самых низких температурах воздуха и почвы и т. п. «Ответ я обещал передать при дворе г. фельдмаршалу до обеда».⁴⁶

В 1759 г. Браун должен был участвовать в проверке состояния Библиотеки и Кунсткамеры по поручению Ломоносова.⁴⁷ Брауну было поручено проверить книги по философии, физике и астрономии. Однако эта ревизия не состоялась: ей помешал Тауберт, который ее опасался, потому что и Библиотека, и Кунсткамера, находившиеся в его ведении, были «в превеликом беспорядке».⁴⁸ О противоречивости отношения в Академии к Брауну мы имеем высказывание Ломоносова. В 1760 г. в статье «О необходимости преобразования Академии» он писал: «Сколько же чудных перемен учинено со членами, некоторые примеры то покажут. Профессор Браун против своего желания и напрасно отлучен от Академической Конференции и Обсерватории, а пыне опять по временам с академиками заседает, как захотят. За долговременные прилежные лекции не получил никакого одобрения».⁴⁹

Среди исследований Брауна наиболее выдающимся, составившим ему имя, было открытие замерзания ртути.

Как известно, еще в половине XVIII столетия считалось, что ртуть замерзать не может. Ломоносов писал в своем сочинении «Первые основания металлургии» в 1742 г., что «ртуть... при своей великой тягости и нарядном металловом цвете имеет безмерно постоянную жидкость, которую самая сильная и нам поныне знаемая стужа победить и в твердость переменить не может». Но тут же сделано примечание: «Сие писало в 1742 году, после иначе оказалось».⁵⁰ 13 декабря 1759 г. в Петербурге стояли несколько дней подряд сильные холода: 7 и 8 декабря было -26° С, 12 и 13 -30° , а 14 утром -37° . Браун с помощью

⁴³ Н е 11 M. Ephemerides astronomicae anni 1762, ad meridianum Vindobonensem. Vindobonae, 1782.

⁴⁴ Возражения Брауна опубликованы в статье: И дельсон Н. И. Теория Ломоносова о строении комет. — В кн.: Ломоносов, I, с. 72—83. Речь Ломоносова должна была быть произнесена 6 сентября, но собрание было отложено в связи с гибелью Рихмана.

⁴⁵ Речь Гришова и ответ Брауна напечатаны по-латыни и в русском переводе отдельным изданием в 1755 г.

⁴⁶ ОР ГПБ, ф. Штейнина, № 165, 354. О каком фельдмаршале идет речь — неясно.

⁴⁷ ПСС, т. 10, с. 241—243.

⁴⁸ Там же, с. 878.

⁴⁹ Там же, с. 81.

⁵⁰ Там же, т. 5, с. 412.

охлаждающих смесей получил очень низкие температуры (до -56°C), причем ртуть вся ушла в шарик термометра, а когда шарик был разбит, извлеченню оттуда твердую ртуть можно было ковать молотком, рубить и резать. Наблюдение подтвердилось 25 декабря. Опыты производились им совместно с Ломоносовым. Позднее их повторили академики Ф. У. Т. Эпипус, И. Э. Цейгер и почетный член Академии И. Г. Модель, и они были описаны в «Санкт-Петербургских ведомостях».⁵¹

Остановка ртути в головке термометра наблюдалась неоднократно и ранее в различных местностях Сибири и вообще в странах с суровой зимой, например в 1734 г. Саломатовым в Томске, в 1735 г. Гмелином в Енисейске.⁵² Но только в результате опытов Брауна было впервые выяснено, что дело идет именно о переходе ртути в твердое состояние при падении температуры ниже известного предела, т. е. замерзании ее. Любопытно, например, что 15 ноября 1759 г. в протоколе академической Конференции имеется запись: «1) Гришов сообщил, что в его термометре ноября 9-го появилась обледеневшая ртуть» (*Indicavit Grischowius, in thermometro suo Nov. 9 mercurium conglaciatum adparuisse*).⁵³ Ни сам Гришов, ни кто-либо из академиков не обратили на это особого внимания, может быть, потому, что явление отвердевания ртути в то время чаще всего приписывалось неисправности термометра.

Открытие замерзания ртути произвело сенсацию в ученом мире; известия об этом «изобретении» появились во многих ученых журналах, но температура замерзания была определена лишь позднее, когда зимой 1785 г. по поручению Академии опыты Брауна и Ломоносова были повторены Эпинусом и Крафтом, и было выяснено, что ртуть замерзает в зависимости от способов ее очистки при температурах порядка -40°C .⁵⁴

Известно, что Миллер без ведома Академии послал сообщение об этом открытии в лейпцигские *«Acta eruditorum»*, приписав главную роль в организации опытов Эпинусу и Цейгеру; это вызвало строгий запрос со стороны Ломоносова, кто и на каком основании послал сведения о замораживании ртути в Лейпциг.⁵⁵

6 сентября 1760 г. Браун выступал в публичном собрании Академии с речью «О удивительной стуже, искусством произведенной, от которой ртуть замерзла». В том же собрании Ломоносов читал свое «Рассуждение о твердости и жидкости тел». Обе работы были в том же году напечатаны на латинском и русском языках.

Миллер послал Эйлеру оба номера «Санкт-Петербургских ведомостей», от 21 и 27 декабря 1759 г., с детальным описанием опытов Ломоносова и Брауна, при письме от 11 января 1760 г.: «Новое открытие, о котором сообщается на прилагаемых страницах, заслуживает того, чтобы Вы узнали о нем из первоисточника: иначе Вы могли бы в нем усомниться, когда прочтете о нем в газетах».⁵⁶

Эйлер ответил письмом от 29 января 1760 г., в котором с похвалой отозвался о работах Брауна: «Открытие г. профессора Брауна — величайшей важности и доставило мне особое удовольствие, поскольку я всегда считал, что теплота есть истинная причина жидкости» (т. е. жидкого состояния).⁵⁷

Сам Браун придавал открытию замерзания ртути большое значение и относился ревниво к своему приоритету. Вот выдержка из его письма к Эйлеру от

⁵¹ Санкт-Петербургские ведомости, 1759, № 102, 26 декабря, с. 810—811; № 104, с. 825—826.

⁵² Подробности открытия замерзания ртути изложены в статьях Е. И. Тихомирова (*Климат и погода*, 1929, № 4 (25), с. 101; 1934, № 1, с. 14).

⁵³ Протоколы, т. II, с. 441.

⁵⁴ См.: Библия В. Я. Исследования Ломоносовым и Брауном явлений при затвердевании ртути. — В кн.: Ломоносов, III, с. 53—65; Мешуткин Б. Н. Жизнеописание М. В. Ломоносова. М.; Л., 1947, с. 77—83.

⁵⁵ ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 2, 1760, № 9, сентябрь 1760; см. также: Протоколы, т. 2, с. 456.

⁵⁶ Briefwechsel, 1959, Т. I, S. 149.

⁵⁷ Ibid., p. 110.

6 октября 1760 г. — последнего из четырех писем, хранящихся в Архиве АИ СССР.

«Минувшего 6-го сентября я читал в публичном собрании Академии сообщение о своем открытии замерзания ртути; имею честь послать Вашему высокоблагородию два экземпляра, один для Вас, другой для г. Формою с просьбой, чтобы он написал в „Bibliothèque Germanique“ рецензию об этом. Я имею особые причины посыпать сочинение Вам самому, именно то, что в различных журналах встречаются неправильные рецензии на мое открытие. А путем беспристрастной рецензии истина выйдет на свет».⁵⁸

Это обращение Брауна к Эйлеру и через него — к Формою (секретарю Берлинской Академии) говорит о том, что при всем своем мирном характере Браун, когда дело шло о принципиальных вопросах, не давал себя в обиду. Характерен эпизод, связанный с отношениями Брауна и Ломоносова. 20 апреля 1759 г. Браун должен был произнести в публичном собрании Академии по случаю годовщины коронации императрицы Елизаветы речь: «Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их», и 26 марта он прочитал ее в заседании Конференции. Она была одобрена, но когда Ломоносов, не присутствовавший в заседании 26 марта, ознакомился с корректурой речи, он нашел совершенно неуместными рассуждения Брауна во вступлении об обряде коронации, сводившиеся к тому, что обряд этот не имеет юридического значения. Такое мнение не могло, конечно, понравиться Елизавете. Ломоносов в своих замечаниях написал: «Говорил бы он о своей материи, а что до витийства надлежит, того ему бог не дал. По моему мнению, должно это все отменить и каким-нибудь образом иное начать».⁵⁹ Но Браун, обидевшись на «витийство», решительно отказался что-либо менять, хотя экстраординарное заседание Конференции приняло точку зрения Ломоносова. В конце концов Брауну все же пришлось уступить, и 8 мая 1759 г. он произнес свою речь, которая была напечатана затем отдельными изданиями по-русски и по-латыни. Этот эпизод, как известно, не нарушил дружеских отношений Ломоносова и Брауна.⁶⁰

Ломоносов, когда только это было возможно, защищал Брауна от нападок противников, которые старались, как могли, ему досадить. Например, в ноябре 1757 г. Тауберт распорядился вынести профессорскую кафедру из академического здания в помещение гимназии. Ломоносов обжаловал это распоряжение президенту. «Кафедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большей части профессор Браун, которого всегдашнее старание в науке российских студентов и притом честная солесть особливой похвалы и воздаяния достойны. . . Если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, затем что расположение тогдашнего профессорского и студенческого житья по разным квартирам требовало, чтобы кафедре быть в академических палатах».⁶¹

Более серьезными были нападки на Брауна, касавшиеся уже непосредственно его научной репутации. Французский астроном Пингре, опубликовав наблюдения над прохождением Венеры по диску Солнца 26 мая (6 июня) 1761 г., попутно коснулся петербургских наблюдений того же прохождения, произведенных Брауном, Красильниковым и Кургановым, в таких выражениях (при этом Красильникова и Курганова Пингре не называет): «Г. Брауну отдают справедливость, что он изучает природу усердно, умело и успешно; все трое наделены несомненно и знанием, и талантом, но недостает им бессспорно одного — опыта в астрономических наблюдениях». Ломоносов в «Краткой истории о поведении академической Канцелярии» писал: «Парижский астроном Пингре напечатал о санкт-петербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он наущен от злых Красильникову и Курганову соперников, ибо, кроме

⁵⁸ ЛО ААН, ф. 136, оп. 2, № 5, л. 63—63 об.; Briefwechsel, Т. III, с. 35.

⁵⁹ ПСС, т. 9, с. 834; см. также: Протоколы, т. II, с. 423—424.

⁶⁰ ПСС, т. 9, с. 954—955.

⁶¹ ПСС, т. 10, с. 293.

других примет, в оном понимании присовокуплен к российским обсерваторам и профессор Браун, который не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал здесь в печать. А что на Брауна уже не первый раз они нападают за несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил, ибо Миллер писал в Лейбциг имени Академии без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от профессора Цейгера и Эпинуса, а Брауну якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жомчужное зерно».⁶²

Ввиду крайней небрежности проф. Эпинуса в отношении вверенного ему физического кабинета Ломоносов в 1763 г. ходатайствовал перед Разумовским о передаче кабинета Брауну, но не получил ответа.⁶³

В 1759 г. Ломоносов составил регламент для Университета и Гимназии, который был передан на отзыв профессорам Миллеру, Фишеру, Брауну и Модераху. По поводу примечаний, сделанных ими, Ломоносов писал: «Г. Миллер отозвался репортом на сочиненные им прежде сего такие регламенты; гг. Браун и Модерах подали свои примечания настойчивым и пристойным образом, из коих некоторые виноваты достойны».⁶⁴ Замечания Брауна к регламенту воспроизведены полностью у Билиарского.⁶⁵

13 мая 1764 г. было получено распоряжение президента Разумовского о составлении нового штата и устава Академии наук. 10 сентября Ломоносов представил свой проект под названием «*Idea status et legem Academiae Petropolitanae*»; он сообщил этот проект Брауну, Котельникову и Фишеру, которые затем представили свои замечания.⁶⁶

Хотя Браун и не обладал воинственным характером, однако определенно был единомышленником Ломоносова, который, в особенности после того как стал советником Капцелярии, по мере возможности выдвигал и защищал его. Незадолго до своей смерти Ломоносов предлагал даже назначить его конференц-секретарем Академии. Со смертью Ломоносова Браун потерял не только товарища по работе, но и неизменного покровителя. Сам он тоже начал слабеть и часто болел, хотя ему еще не было 60 лет. 23 мая 1767 г. Брауну было послано предписание директора Академии гр. В. Г. Орлова, чтобы он немедленно очистил квартиру в казенном доме.⁶⁷ Весной 1768 г. Браун, которому в 1767 г. было поручено наблюдение за работами барометрических учеников,⁶⁸ получил распоряжение: «Оптическое и барометрическое мастерство поручить в непосредственное смотрение профессору Протасову, а наставление мастеровым в их деле преподавать имеет профессор Ловиц, чего ради профессору Броуну объявить, что он от сего труда в рассуждении слабости здоровья увольняется».⁶⁹ Через полгода, 22 сентября 1768 г., Браун скончался.

На другой день, 23 сентября, в журнале академической Комиссии записано решение выдать вдове Брауна «сто рублей на погребение, заслуженного его жалованья с 1 по 22 число сентября и квартирных денег, всего шестьдесят один рубль двенадцать копеек».⁷⁰ Правда, позднее вдове проф. Брауна по личному распоряжению гр. В. Г. Орлова было выдано «против прочих профессорских жал годовое его жалованье с квартирными деньгами».⁷¹ Это все, чем отозвалась Академия на кончину одного из выдающихся своих членов. В ее протоколах нет даже упоминания о смерти Брауна. Впрочем, этого не удостоился и гениальный Ломоносов.

⁶² Там же, с. 306.

⁶³ Там же, с. 563, 867.

⁶⁴ ПСС, т. 9, с. 542—543.

⁶⁵ Билиарский, с. 410—412.

⁶⁶ ПСС, т. 10, с. 623.

⁶⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, кн. 305, л. 257—258.

⁶⁸ Там же, кн. 308, л. 6.

⁶⁹ Там же, кн. 311, л. 316.

⁷⁰ Там же, л. 178 об.

⁷¹ ЛО ААН, Р. V, оп. Б, № 36.